

8. Мокиенко В. М., Никитина Г. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб.: Фолио-Пресс, 1998. — с. 318.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное — М.: Азбуковник, 1999. — с. 819.
10. Почепцов Г. Г. Информационные войны, 2000. — С. 9
11. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). — Екатеринбург, 2001. — 238 с.
12. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография/ Урал. гос. пед. ун-т — Екатеринбург, 2003. — 248 с.
13. Шаклеин В. М. Метафора как лингвокультурологическое средство восприятия и передачи информации // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. — СПб.: Политехника, 2003. — с. 79-85.
14. Domassio A. R. Descates'Error: Emotion, reason, and the human Brain. — N. T.: G. P. Putman's Sons, 1994. — P. 41-43.

Статья поступила в редакцию 17 февраля 2004 г.

УДК 82-84/82-92

Ю. А. Мельник

**ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ
ВЫСКАЗЫВАНИЙ, ВОСХОДЯЩИХ К ТЕКСТАМ ПЕСЕН,
В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ**

Предметом нашего исследования являются прецедентные высказывания (ПВ) песенного происхождения и специфика их функционирования в современном публицистическом дискурсе. Под прецедентным высказыванием вслед за Д. Б. Гудковым мы понимаем “репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченную и самодостаточную единицу, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу, в когнитивную базу входит само ПВ как таковое, ПВ неоднократно воспроизводятся в речи носителей языка”. К числу ПВ принадлежат цитаты, а именно: “1) собственно цитата в традиционном понимании (как фрагмент текста); 2) название произведения; 3) полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями” [5, с. 55] (см. также [6, с. 107]). На наш взгляд, данная работа обладает высокой практической значимостью, поскольку тексты публицистических изданий активно используются в процессе преподавания русского языка как иностранного (РКИ). Работа с этими текстами в настоящее время усложнилась. Причина этого — чрезвычайная

насыщенность прецедентными высказываниями, адекватное понимание которых, как известно, напрямую зависит от культурной грамотности читателя.

Изучению ПВ в целом посвящены работы таких ученых, как Д. Б. Гудков, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Л. П. Дядечко, Т. А. Ященко, Е. О. Наумова, Г. П. Джинджолия, Н. С. Валгина, Г. Г. Слышик, Л. А. Гладышева и др. ПВ песенного происхождения описаны в работах О. Г. Сальниковой и С. Г. Шулежковой.

Цель нашей работы: описать специфику функционирования песенных ПВ в современном публицистическом дискурсе.

Материалом для исследования послужили такие издания: “Аргументы и Факты в Украине”, “Аргументы и Факты”, “Зеркало недели”, “Комсомольская правда в Украине”, “Крымская правда”, “Киевские ведомости”, “Телемир”, “Известия”, “Русский мир”, “Собеседник”, “Литературная газета” и др. за 2001-2004 годы.

Новизна исследования заключается в том, что в качестве его предмета мы избрали тип ПВ, изученный в меньшей степени, чем другие. Между тем проанализированный нами материал позволяет сделать предварительный вывод о том, что такой вид источников, как тексты песен, занимает значительное место по частотности — 29% от общего количества проанализированных случаев (518).

Как мы уже говорили ранее, в процессе изучения русского языка инофоны работают с публицистическими текстами. По словам А. В. Круглова, “использование языка современных средств массовой информации в сочетании с традиционной грамматикой позволяет студентам осваивать русский язык XXI века” [14, с. 384]. Понятно, что, используя публицистические тексты в качестве учебного материала, преподаватели должны учитывать изменения, произошедшие в языке за последнее десятилетие. Ведь демократизация общественных и межличностных отношений не могла не отразиться в языке, поскольку известно, что язык “не существует вне общества, сам по себе, а обслуживает коммуникативные потребности общества” [15, с. 183]. А, как мы знаем, только газета незамедлительно реагирует на происходящие события, фиксирует и доносит до читателей все новое, что имеет место в языке. Так что же такое публицистический дискурс? В. В. Красных дает ему следующее определение: “публицистический дискурс представляет собой вербализованную речемыслительную деятельность, осуществляющую в рамках печатного средства массовой информации и имеющую два плана выражения: собственно лингвистический и лингво-когнитивный, реализуемых в основной форме организации и продукта этой деятельности — в печатном тексте” [цит. по 7, с. 111]. О. В. Дудоладова пишет о том, что “лингвистический план публицистического дискурса отражается в используемых в тексте языковых средствах, а лингво-когнитивный план связан с языковым сознанием, обуславливающим выбор языковых средств и влияющим на порождение и восприятие текста” [7, с. 111]. Демократизация общества, свобода личности в этом обществе, снятие многих запретов существенно повлияли на состояние публицистического дискурса — обусловили коммуникативную свободу авторов публицистических текстов, которая прояв-

Раздел 1.

84   Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

ляется, в частности, в обилии инноваций, в предпочтении нестандартных форм выражения мысли, то есть во всем том, что принято называть речевым творчеством. Это творчество реализуется авторами публицистических текстов и в применении ПВ. Необходимо, кстати, отметить, что для обозначения данного явления существует большое количество терминов: **языковой афоризм** (Е. М. Вещагин и В. Г. Костомаров [3, с. 74]); **эптоним** (Л. П. Дядечко [8, с. 139]); **текстовая реминисценция** (А. Е. Супрун [27]); **клише** (Г. Л. Пермяков [20]); **речевой стереотип** (Т. М. Николаева [19, с. 253]); некоторые ученые, например, Ю. А. Сорокин и И. М. Михалева, вообще смешивают два понятия — **прецедентный текст и прецедентное высказывание** [26]. Мы же отдааем предпочтение термину, предложенному Д. Б. Гудковым, поскольку он явно указывает на основной признак исследуемого типа высказываний — “прецедентность”, то есть на известность этого явления всем представителям национального (в данном случае — русского) лингво-культурного сообщества. ПВ вместе с другими прецедентными феноменами (прецедентными текстами (ПТ), прецедентными ситуациями (ПС) и прецедентными именами (ПИ)) принимает участие в построении **когнитивной базы**. Под **когнитивной базой** следует понимать “определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладает большинство социализированных членов лингво-культурного сообщества” [цит. по 4, с. 249] (термин введен в статье Д. Б. Гудкова, В. В. Красных, И. В. Захаренко и Д. В. Багаевой [13, с. 62], см. также [5, с. 42], [6, с. 98]). Если говорить о значении ПВ, то в нем можно выделить три уровня: 1) “поверхностное значение; 2) глубинное значение; 3) смысл. Эти три уровня значения соответствуют трем уровням восприятия: а) восприятие прямого значения компонентов высказывания; б) понимание значения единицы в целом, когда значение высказывания не равно простой сумме значений единиц, его составляющих; в) понимание смысла высказывания и через это восприятие концепта: почему и зачем автор говорит то, что говорит, и что именно он имеет в виду” [13, с. 69]. Многоуровневость значения ПВ обусловливает то, что для иностранного студента оно является своеобразным “языковым ребусом”. Столкнувшись с таковым, инофон может почувствовать себя абсолютно беспомощным, поскольку даже при высоком уровне владения языком он “может понять лишь поверхностное значение ПВ, выведя его из суммы значений входящих в него слов, глубинное же значение высказывания, его смысл остаются для него закрытыми” [5, с. 56]. Еще большие трудности возникают, когда ПВ выступают не в исходном, а в трансформированном виде, так как коммуникативная связь трансформа с первичным культурным источником и конкретным фоном требует совершения огромной аналитической работы. По словам Л. П. Дядечко, реципиент должен восстановить “сначала компонентный состав и/или синтаксическую структуру в единстве с содержательными свойствами ПВ и только затем обратиться к тексту-источнику” [8, с. 267], знание которого является чрезвычайно важным, поскольку “исходный текст играет существенную роль в организации семантики ПВ и в процессе функционирования, выступая фоном, на который накладывается актуальное содержание” [8, с. 47]. Для обозначения такого способа оперирования

ПВ, как их модификация, также существует множество терминов: **языковая игра** (В. З. Санников [24, с. 23]); **словесная игра** (Н. С. Валгина [2, с. 18]); **фразеологический каламбур** (В. Н. Вакуров [цит. по 2, с. 18]); **квазицитация** (Г. Г. Слышиkin [25]). Мы же будем говорить о **трансформировании** ПВ. Оно представляет собой достаточно частое явление. Можно сказать, это отличительная черта функционирования ПВ в современной публицистике. Стремление к трансформированию можно объяснить спецификой эпохи, тем, что перемены в общественной жизни привели к изменениям в психологической установке масс, пользующихся русским языком, в их языковом вкусе и чутье языка. Следствиями этого стали раскрепощенность, раскованность, свобода в выборе содержания и формы, характерные для языка современной публицистики. Одним из проявлений такой раскрепощенности как раз и следует считать стремление к трансформированию ПВ (см. об этом более подробно [16, с. 346]). Какова цель этого трансформирования? С. И. Равлюк, например, говорит о том, что, заменяя компоненты, автор словно дает новую жизнь соответствующей единице, делает ее объектом “двойной выразительности”, поскольку к связанному с этой формулой традиционному общему значению добавляются новые индивидуальные значения [22, с. 213]. Автор статьи имеет в виду фразеологизмы, но в данной ситуации то же положение применимо и к ПВ. В частности, о “двойной экспрессии”, возникающей в результате трансформирования, пишет Е. О. Наумова [18, с. 186]. А, как известно, экспрессивность публицистического текста многократно усиливает эффект воздействия на адресата. Именно с этой целью журналисты прибегают к трансформированию ПВ, причем, как правило, в тех публицистических жанрах, суть которых, по мнению М. А. Кормилицыной, “заключается в оценке общественных явлений, в открытом выражении авторской позиции”. “Это аналитические статьи, интервью, часто организуемые в газетах круглые столы, клубы, диалоги, политические портреты и др.” [12, с. 134-135]. (О степени проницаемости для экспрессии различных газетных жанров см. также [15, с. 183].) Однако в ряде случаев журналисты злоупотребляют трансформированием. При этом оно часто не помогает содержательной стороне, но отвлекает от нее, не столько способствует взаимоприятию в коммуникации, сколько снижает уровень ответственности за содержание и форму написанного, например: “Жена и Родина едины!” [заголовок к группе высказываний российских политиков, помещенной под рубрикой “Жизнеспособность политсубъектов”] (“Аргументы и Факты в Украине”, №18, 2003 г.) Исходная форма ПВ: “Судьба и Родина едины!”. Источником является текст “Песни гардемаринов” (сл. Ю. Ряшенцева, муз. В. Лебедева, из к/ф “Гардемарины, вперед!” [28, с. 76]). В данном случае ПВ подверглось трансформации — была осуществлена замена одного лексического компонента (о классификации типов трансформации см. [16, с. 346]). Однако эта модификация формы ПВ отнюдь не обусловлена содержанием помещенных в газете высказываний — в них говорится об осуществлении правительственный военной реформы и не присутствует ничего, что могло бы явиться основанием для произведенной замены. Именно из-за таких случаев преподавателям РКИ следует быть особенно внимательными при отборе учебных

Раздел 1.

86   Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

публицистических текстов. Работая с ними, преподаватели должны учитывать то, что полное восприятие текста, насыщенного ПВ, возможно только с использованием фоновых (в терминологии Д. Б. Гудкова — внеродовых) знаний (то есть при знакомстве с элементами русской когнитивной базы), и, соответственно, делать акцент на усвоении инофонами этих знаний, на развитии у них **культурной грамотности** (cultural literacy — термин Э. Хирша), см. об этом [16, с. 344].

Как уже было сказано ранее, наибольший исследовательский интерес у нас вызвали ПВ, источниками которых являются тексты песен. Особенность песни вообще, песни как жанра, заключается в ее необычайно тесной связи с жизнью. Для чего песня нужна человеку? Она необходима ему “как способ самовыражения, как форма общения (коммуникации) и воспитания, как эстетическое наслаждение и самое доступное средство поэтического проникновения в жизнь” [23, с. 312]. В песне отражается культурный, исторический опыт народа. За каждой из них стоит характер определенной эпохи, ее идеология. Особенно показательны в этом смысле песни советского периода. Если говорить о ПВ, источниками которых они являются, то необходимо отметить следующее: эти ПВ продолжают активно функционировать, несмотря на изменения в обществе, сопровождавшиеся ценностной перориентацией. Причем в своих публицистических текстах их используют не только журналисты, но и современные писатели. Например, в своем произведении “Мы проснулись в незнакомой стране” Андрей Битов использует ПВ, восходящее к известной песне первых революционных лет “Наш паровоз” (сл. А. Красного (Спивака) и Б. Скорбина, муз. П. Зубакова, 1922) [21, с. 37]: “*Была такая облигация периода индустриализации: по пыльной пыли ползет комбайн, по шоссе мчится автомашина, над нею пакрест, по эстакаде проносится поезд, над ними обоими пролетает аэроплан. Иерархия техники налицо. “Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...” Однако центром тяжести картины является все равно паровоз — он тяжел, неумолим, ветер, обтекающий его, материален, инерция грозна. “Наш паровоз вперед летит, в коммуне остановка...”*” [1, с. 146]. Мы исследуем этот случай, поскольку образ паровоза обладал в советскую эпоху довольно большой значимостью. Ср. известное выражение “Революция — паровоз (локомотив) истории” — цитату из статьи К. Маркса “Последствия 13 июня 1849 года” из цикла “Классовая борьба во Франции” [17, с. 318]. С этим выражением как раз и перекликается приведенное нами ПВ. Однако не следует забывать о том, что в постперестроенную эпоху советизмы (слова, идиомы, пословицы, афоризмы, отражающие советские реалии) стали подвергаться переосмыслению. Об этом, в частности, пишет С. И. Равлюк, отмечая, что такие единицы преимущественно наделяются негативной аксиологической оценкой и используются в ироническом плане. Аналогичное явление упоминается и в работе Л. П. Дядечко “Новое в русской и украинской речи: крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря)” [9, с. 4]. В процитированном нами отрывке, на наш взгляд, “иронический план” совмещается с легкой ностальгией по безвозвратно ушедшей эпохе.

В этом же отрывке присутствует и другое ПВ: “*Все выше, и выше, и выше (стремим мы полет наших птиц)...*”, источником которого является текст пес-

ни “Все выше” (сл. П. Германа, муз. Ю. Хайта, 1922). В данном контексте оно употребляется в первом значении, зафиксированном в пособии Л. П. Дядечко [9, с. 119] : автор имеет в виду желание страны достичь больших успехов в области развития техники. (Здесь, а также в дальнейшем мы будем использовать учебное пособие Л. П. Дядечко в качестве основного справочного издания.)

Практически все песни этого периода, включая только что проанализированные, тем или иным образом связаны с таким значимым для каждого русского человека историческим событием, как гражданская война. И они активно функционируют в качестве источников ПВ. Одним из них стал текст песни “По долинам и по взгорьям” (сл. П. Парфенова в ред. С. Алымова, 1920; автор музыки остался неизвестен, в 1929 году мелодию записал и обработал профессор А. В. Александров — руководитель ансамбля красноармейской песни. Первоначальное название произведения — “Партизанский гимн”) [10, с. 107-108]. Эта песня обогатила русскую когнитивную базу таким ПВ: “*И на Тихом океане свой закончили поход*”. Нам оно встретилось в следующем виде: “*И в Индийском океане свой закончили поход*” [подзаголовок к интервью с В. В. Жириновским, в котором он представил свою точку зрения на военную реформу, в частности, речь идет об учениях российского флота, проходивших на территории Индийского океана] (“Аргументы и Факты”, №31, 2003 г.) Данное ПВ подверглось трансформации — был заменен один из лексических компонентов. Осуществив такую трансформацию, журналист не только “приспособил” ПВ для характеристики актуального факта внеязыковой действительности, но и обыграл высказывание самого В. В. Жириновского — “русский солдат омоет сапоги в Индийском океане” (политик имел в виду то, что русская армия укрепится и расширит сферу своей деятельности, см. об этом то же интервью (стр. 9)).

Источником ПВ стал также текст песни под названием “Прощальная комсомольская” (сл. М. Исаковского, муз. Дм. Покрасса, 1935 [10, с. 8]). К этому тексту восходит ПВ: “*Дан приказ: ему — на запад (ей — в другую сторону)*”. Рассмотрим такой пример его функционирования: “*Дан приказ ему на Запад...*” [подзаголовок; в данной части статьи речь идет о слиянии корпорации “Индустриальный союз Донбасса” и швейцарской компании Dufersco]. Другая часть этой же статьи озаглавлена с помощью факультативной части ПВ — “*Ей в другую сторону...*” [здесь говорится о том, что бизнесгруппы Донецкой и Луганской областей помешали представителям Днепропетровской корпорации распространить и закрепить свои притязания в упомянутом регионе] (“Зеркало недели”, №38, 2003 г.). Обычно рассматриваемое ПВ употребляется в двух значениях: “1. О вынужденном перемещении на территорию западной Европы (устар.) 2. О вынужденном разъезде в противоположных направлениях” [10, с. 8]. В приведенном примере ПВ используется во втором значении, а также имеет место актуализация такого компонента первого из них, как “пункт прибытия” (здесь — “Запад”, а именно Швейцария).

В качестве источников ПВ могут выступать и тексты песен, отразившие участие советского народа в Великой Отечественной войне. К таким источникам, например, относится текст песни “Дороги” (сл. Л. Ошанина, муз. А. Новикова,

Раздел 1.

88   Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

1945 [11, с. 169]). Проанализируем следующий пример: “Эх, дороги...” [название рубрики, под которой помещена статья о проблемах, связанных с несвоевременным прибытием электричек] (“Аргументы и Факты”, №31, 2003 г.) В рассматриваемом случае ПВ употреблено в исходном виде и в своем обычном значении — для характеристики плохих дорог (иронич.). Трансформация этого ПВ может способствовать усилению иронического эффекта: “Эх, дороги, бред и туман...” [заголовок к заметке о стенде, установленном около поселка Белоярского Свердловской области и содержащем такой текст: “Все дети наши, и мы за них в ответе. ГИБДД”] (“Комсомольская правда в Украине”, №188, 2003 г.) Исходная форма ПВ: “Эх, дороги (пыль да туман, холода, тревоги да степной буряи)...” Здесь подверглась трансформации факультативная часть ПВ: существует замена двух лексических компонентов и усечение самого высказывания. Таким способом журналист подчеркивает, что текст стенда явно демонстрирует невысокий уровень интеллекта своих создателей, то есть сотрудников ГИБДД. Необходимо отметить следующее: песни, в которых отразились события революции, первых лет советской власти, Гражданской и Великой Отечественной войн, пережили период громадной популярности. Сейчас они сохранили популярность в основном среди представителей старшего поколения.

Многие песни, тексты которых проявляют себя как источники ПВ, впервые прозвучали в художественных фильмах, что существенно ускорило процесс их популяризации. Одним из таких источников стал текст “Песни о Родине” (сл. В. Лебедева-Кумача; муз. И. Дунаевского, из к/ф “Цирк”, “Мосфильм”, 1936 [11, с. 131]). К нему восходит ПВ: “От Москвы до самых до окраин”. Нам встретились такие случаи его функционирования: “На телевидении любят рассуждать о большой политике и о больших деньгах. В “Верстах” говорят о проблемах тех людей, которые “от Москвы до самых до окраин” чувствуют себя беззащитными перед произволом власти” [из статьи о телепрограмме “Версты”] (“Аргументы и Факты”, №26, 2003 г.) Здесь ПВ употреблено в исходном виде. Ср. случай его трансформации “На “Оке” до самых до окраин” [заголовок к статье о длительном автопробеге, совершенном на автомобиле “Ока”] (“Аргументы и Факты”, №31, 2003 г.)

Здесь присутствует замена двух лексических компонентов, результатом которой стало очевидное изменение в семантике ПВ.

Не менее очевиден подобный результат трансформации и в следующем случае: “На границе Тузлы ходят слухи” [заголовок, объединяющий юмористические высказывания по поводу строительства дамбы на острове Тузла] (“Киевские ведомости”, 25.10.03). Исходное ПВ “На границе тучи ходят хмуро” восходит к тексту песни “Три танкиста” (сл. Б. Ласкина, муз. Дм. и Дан. Покрассов; из к/ф “Трактористы”, “Мосфильм”, Киев. к/ст., 1939 [9, с. 134]). Здесь заменены два лексических компонента, причем замена первого из них осуществлена на основе отдаленного звукиния (ср. “Тузлы” — “тучи”).

Источниками ПВ могут быть и тексты песен, впервые прозвучавших в популярных советских мультифильмах, таких, как: “Антошка”, “Бременские музыканты”, “Винни-Пух идет в гости”, “Аврора”, “Крошка Енот” и др. Проанализи-

руем такой пример: “*Та ль тебе сшилась, крейсер “Аврора”, в час, когда урны трясли над Невой?*” [заголовок; речь идет о победе Валентины Матвиенко на выборах, проходивших в Санкт-Петербурге] (“Комсомольская правда в Украине”, №188, 2003 г.) Источником ПВ “*Что тебе снится, крейсер “Аврора” (. .) в час, когда утро встает над Невой?*” является текст песни “Крейсер “Аврора”” (сл. М. Матусовского, муз. В. Шайнского) из мультфильма “Аврора” (“Союзмультфильм”, реж. Р. Качанов, худ. Л. Шварцман, 1973 [11, с. 143]). Трансформации подверглась как обязательная, так и факультативная часть ПВ. Здесь тоже произведена замена нескольких лексических компонентов, один из которых, как и в предыдущем случае, заменен созвучным ему словом (ср. “утро” — “урны”). Такая трансформация позволяет усилить иронический эффект, который появляется при употреблении исходного ПВ во втором значении, то есть тогда, когда речь идет “об идеалах, символом которых был крейсер “Аврора” [11, с. 143]. (Напомним, такое же “усиление” иронии имеет место и в рассмотренном ранее примере употребления ПВ “*Эх, дороги (ныль да туман, холода, тревоги да степной бурьян)*”...)

Не менее интересен следующий пример: “*От уборки станет всем светлей*” [заголовок к статье о том, как правильно производить уборку в квартире] (“Телемир”, №17, 24-30 апреля 2003 г.) В качестве источника исходного ПВ “*От улыбки станет всем теплей*” выступает текст песни “Улыбка” (сл. М. Пляцковского, муз. В. Шайнского) из мультфильма “Крошко Енот”, снятого по сказке, автор которой — Л. Муур (Студия “Экран” ЦТ, авт. сц. А. Долотцева, реж. О. Чуркин, опер. А. Пекарь, худ. В. Назарук, исполн. песни — Клара Румянцева, 1974 [10, с. 33]). В приведенном заголовке была произведена замена двух лексических компонентов.

Говоря о песнях как источниках ПВ, мы не можем оставить без внимания те произведения, которые составили неотъемлемую часть “золотого фонда” советской эстрады. Это такие песни, как: “Я люблю тебя, жизнь!”, “А у нас во дворе”, “Песня остается с человеком”, “Как провожают пароходы”, “Все могут короли”, “Вот и весь разговор”, “Куда уехал цирк?” и др. Восходящие к их текстам ПВ активно функционируют в современном публицистическом дискурсе. Обратимся к такому случаю: “*Ангелина Вовк: через годы, через расстоянья*” [заголовок к интервью] (“Телемир”, №1, 30 декабря 2003 г. — 7 января 2004 г.). Источником выделенного ПВ стал текст песни “Песня остается с человеком” (сл. С. Острового, муз. А. Островского, 1964). Обычно данное ПВ употребляется, когда речь идет “о любви, дружбе, пронесенной через всю жизнь” [11, с. 133], но здесь его использование мотивируется чисто внешним фактором (тем самым журналист как бы подчеркивает, что героиня интервью работает ведущей музыкального фестиваля “Песня года”, гимном которой в свою очередь является упомянутая нами песня).

Не меньшего внимания заслуживает следующий пример: “*В парижском аэропорту встретились два одиночества — холерик и меланхоличка*” [из заметки о французском художественном фильме “История любви”; автор говорит о романе, завязавшемся между героями этого фильма] (“Теленеделя”, №51, 2003 г.). Источ-

Раздел 1.

90

Лингвометодические основы описания и изучения РКИ

ником исходного ПВ — “*Вот и встретились два одиночества*” — послужил текст песни “Вот и весь разговор” (сл. Ф. Лаубе, муз. А. Экимяна, 1981 [9, с. 109]). Данное ПВ подверглось трансформации-усечению (в приведенном примере отсутствуют частица “вот”, а также союз “и”); оно употреблено в своем обычном значении, то есть речь идет об одиноких людях, нашедших друг друга.

Проведенное нами исследование позволяет сделать следующие **выводы**:

1) Такой вид источников ПВ, как тексты песен, занимает значительное место по частотности — 29 % от общего количества проанализированных случаев (518).

2) Применение ПВ в современных публицистических текстах очень часто сопровождается модификацией их формы. Так, из 150 проанализированных случаев функционирования песенных ПВ в исходном виде употреблены только 54 ПВ (36%), остальные же — 96 ПВ (64%) подверглись различного рода трансформациям. Вполне очевидно, что именно здесь наиболее высока вероятность коммуникативных неудач, поскольку иностранный студент должен связать трансформ с первичным культурным источником и конкретным фоном. Осуществлению такой связи может помешать отсутствие у студента необходимого уровня культурной грамотности. Ее развитие — одна из важнейших задач преподавания РКИ.

В качестве **перспективы** нашего исследования мы выдвигаем инвентаризацию самых частотных единиц и снабжение их подробным комментарием, что позволит предупредить возможные ошибки инофонов, связанные как с узнаванием ПВ (особенно трансформированных), так и с их адекватным пониманием. Кроме того, разнообразие текстов, с которыми у ПВ существует ассоциативно-генетическая связь, обусловливает необходимость составления перечня наиболее типичных источников этих элементов русской когнитивной базы.

Литература

1. Битов А. Мы проснулись в незнакомой стране: Публицистика. — Л.: Сов. писатель, 1991. — 160 с.
2. Валгина Н. С. Текст в тексте // Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н. С. Валгиной / Моск. гос. ун-т печати. — М.: МГУП, 2002. — 202 с., С. 7-20.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. — М.: “Наука”, 1990. — 246 с.
4. Гудков Д. Б., Клобукова Л. П., Михалкина И. В. Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — №6. Изд-во Московского университета, 2001, С. 244—257.
5. Гудков Д. Б. Межкультурная коммуникация. Лекционный курс для студентов РКИ. — М.: Изд-во МГУ, 2000. — 120 с.
6. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. — М.: ИТДГК “Гнозис”, 2003. — 288 с.

7. Дудоладова О. В. Публицистический дискурс как коммуникативный контекст функционирования гендерных репрезентаций // X Международная конференция по функциональной лингвистике “Функционирование русского и украинских языков в эпоху глобализации” Сб. научных докладов. Ялта 29 сентября – 4 октября 2003 г. / Отв. ред. Рудяков А. Н. — Симферополь, 2003, С. 111–112.
8. Дядечко Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: Монография. — Киев: ИПЦ “Киевский университет”, 2002. — 294 с.
9. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): Учебное пособие. — Ч. 1: А—Г.—К., 2001. — 145 с.
10. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): Учебное пособие. — Ч. 2: Д — Л. — К., 2001. — 199 с.
11. Дядечко Л. П. Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова — крилаті слова (материалы для словаря): Учебное пособие. — Ч. 4: С — Я. — К., 2003. — 213 с.
12. Кормилицына М. А. Речетворчество как сущностное свойство современного публицистического текста // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Междунар. ассоц. препод. рус. яз. и лит. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания. Сб. докладов. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. — СПб.: Политехника, 2003. — 469 с., С. 134—140.
13. Красных В. В., Гудков Д. Б., Захаренко И. В., Багаева Д. В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — №3. Изд-во Московского университета, 1997, С. 62—75.
14. Круглов А. В. Планирование корпуса русского языка в постсоветском обществе // Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Междунар. ассоц. препод. рус. яз. и лит. Санкт-Петербург, 30 июня — 5 июля 2003 г. Пленарные заседания. Сб. докладов. В 2-х т. Т. 1 / Под ред. Е. Е. Юркова, Н. О. Рогожиной. — СПб. : Политехника, 2003. — 469 с., С. 380—386.
15. Кудрявицва Л. А., Пилишек С. А., Святчик Е. В. Влияние экстралингвистических факторов на развитие языка газеты // X Международная конференция по функциональной лингвистике “Функционирование русского и украинских языков в эпоху глобализации” Сб. научных докладов. Ялта 29 сентября — 4 октября 2003 г. / Отв. ред. Рудяков А. Н. — Симферополь, 2003, С. 182 — 184.
16. Мельник Ю. А. Лингвокультурологический аспект прецедентных высказываний (на материале современной публицистики) // Ученые записки Таврического Национального Университета им. В. И. Вернадского. Серия “Филологические науки”. Том 15 (54) №4, 2002, С. 344—352.
17. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. — СПб: Фолио-Пресс, 1998. — 704 с.

18. Наумова Е. О. Языковая игра как средство актуализации прецедентных текстов в современной российской прессе // Функциональная лингвистика. Язык. Человек. Власть. Материалы конференции. Ялта, 1 — 6 октября 2001 г. — Симферополь, 2001, С. 184 — 186.
19. Николаева Т. М. О параллелизме в функционировании речевых клише и некоторых суперсегментных просодических моделей // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. — М.: “Языки русской культуры”, 1999. — 336 с., С. 250 — 260.
20. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремиологии. — М.: 1988. — 125 с.
21. Песни наших отцов. Песни революции и гражданской войны (для детского хора в сопровождении фортепиано). — М.: “Музыка”, 1973. — 38 с.
22. Равлюк С. І. Індідуально-авторське використання аксіологічної фразеології у художньо-публіцистичних виступах. // Система і структура східнослов’янських мов: Зб. наук. праць / Редкол.: В. І. Гончаров (відп. ред.) та ін. — К.: Тво “Знання України”, 2003. — 327 с., С. 211 — 216.
23. Русская советская эстрада, 1946 — 1977: Очерки истории / ВНИИ искусствознания; Отв. ред. Е. Д. Уварова. — М.: Искусство, 1981. — 527 с.
24. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999. — 223 с.
25. Слышик Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. — М.: Academia, 2000. — 128 с.
26. Сорокин Ю. А., Михалева И. М. Прецедентный текст как способ фиксации языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. — М., 1993, С. 98 — 117.
27. Супрун А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. №6, 1995, С. 17 — 29.
28. Щас споем..! / Сост. В. В. Демченко. Худ. Н. В. Игнатьева. — Харьков: “Ренессанс”, 1997. — 256 с.

Статья поступила в редакцию 11 февраля 2004 г.

УДК 811.1611:378.147

O. Чуреева

КОНЦЕПТ ДУША В РУССКОМ РОМАНСЕ

Предметом нашего исследования является концепт *Душа*, рассмотренный с точки зрения лингвокультурологии, лингвокогнитологии и лингвистики.

Отметим, что в разное время к проблеме исследования концепта *Душа* на базе лингвистических данных обращались многие учёные, каждый из которых по-своему рассматривал этот вопрос: С. Г. Тер-Минасова [8], лингвокультурологи (В. А. Маслова [7], В. И. Карабик [6]), представители Воронежской когнитологической школы (С. Г. Воркачёв [4], А. П. Бабушкин, М. Т. Жукова [1]), Л. Ю. Буянова [2] и др.